

Обзорная статья

УДК 81'25, 81'119

DOI 10.25205/1818-7935-2023-21-2-120-136

Лексико-семантическое поле *post-truth* в англоязычном общественно-политическом дискурсе

Анатолий Федорович Фефелов

Новосибирский государственный университет

Новосибирск, Россия

bobyrgan@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0003-1015-3433>

Аннотация

Цель обзорной статьи состоит в том, чтобы выявить на основе ключевой лексики ряда рецензий и источников направления концептуализации *post-truth era* в англоязычной общественно-политической коммуникации. Объектом анализа выступает лексика, репрезентирующая компонент *post-truth* (постправда или постистина) в медийной сфере. Предметом анализа является понятийная концептуализация компонента *post-truth* в релевантных словосочетаниях типа *post-truth era* (politics, world of politics, politicians, society, age, knowledge and power, condition, campaign etc) в различных авторских источниках. Русским эквивалентом компонента является в данном случае сущ. *постправда* со значением 'отказ игроков информационного поля от принципов объективности и достоверности'. Показывается, что экспертные оценки и интерпретации самого феномена в общественно-политическом поле США и Великобритании крайне неоднозначны и часто маркированы скептицизмом. Ясно, однако, что его нельзя понимать буквально, т. е. «по толковым словарям» и что в научно-образовательном дискурсе он, за исключением истории, проявляется иначе: в поле истины и научных фактов, а не житейской правды. У медийного и научно-образовательного проявлений *post-truth*-подхода обнаружены специфичные наборы ключевых слов. Фейковые «новости» и избирательные кампании не являются конститутивным (главным) признаком посттруфферных медиа. На эту роль претендуют концепции буллшита Г. Франкфурта и новой информационной игры С. Фуллера, но никакого формального риторического воплощения они еще не получили. Серьезную попытку описать новую посттруфферную риторику предпринял только Ю. Шатин. Обзор показывает, что на самом деле медийный *post-truth*-дискурс – это проявление глубокого кризиса «канонической» демократии, отражение ее агонального состояния в американско-британской лексике и нарративах.

Ключевые слова

политическая коммуникация, социальная эпистемология, культура участия, Стив Фуллер, истина, правда, фактуальная истина, буллшит, пиар, спин, фейк, протоученый

Для цитирования

Фефелов А. Ф. Лексико-семантическое поле *post-truth* в англоязычном общественно-политическом дискурсе // Вестник НГУ. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2023. Т. 21, № 2. С. 120–136. DOI 10.25205/1818-7935-2023-21-2-120-136

© Фефелов А. Ф., 2023

ISSN 1818-7935

Вестник НГУ. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2023. Т. 21, № 2

Vestnik NSU. Series: Linguistics and Intercultural Communication, 2023, vol. 21, no. 2

The Lexico-Semantic Field of Post-Truth in Socio-Political Discourse

Anatoli F. Fefelov

Novosibirsk State University
Novosibirsk, Russia

bobyrgan@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0003-1015-3433>

Abstract

The purpose of the review article is to identify conceptualizations of the post-truth era in the English-language socio-political communication, based on the key vocabulary of a number of reviews and sources representing the component *post-truth* in the media. The object of the analysis is lexical representation of the component *post-truth* in the media. The subject matter of the analysis is conceptual interpretation of the post-truth component in such relevant phrases as *post-truth era* (or *politics*, *world of politics*, *politicians*, *society*, *age*, *knowledge and power*, *condition*, *campaign*, etc.) in various authorial sources. The Russian equivalents of *truth* in the item *post-truth* are *reliability* (достоверность), *accuracy* (точность), *credibility* (доверие); in the media the phrase *post-truth* comes to mean 'to abandon or neglect the principles of objectivity and reliability'. It has been shown that in the USA and UK socio-political field expert assessments and interpretations of the claim itself are contradictory and are often marked with skepticism. It is clear, however, that it cannot be taken literally and that in science and education discourse, with the exception of history, it manifests itself differently: in close relation to scientific rational truths or facts, but not to daily factual truths described by H. Arendt. Also, specific sets of key words are used to describe manifestations of post-truth in the media and science. "Fake news" and election campaigns don't seem to be the major features of the post-truth media. Instead, the concepts *bullshit* by H. Frankfurt and *post-truth game* by S. Fuller are competing for this role; however, they can't be regarded as elaborated formal rhetorical schema either. Yu. Shatin alone made a pertinent and significant attempt to describe the new post-truth rhetoric. The specialist literature review shows that the media post-truth discourse is actually a manifestation of a deep crisis in the 'canonical' democracy, a reflection of its agonal state in the American-British vocabulary and narratives. The paper emphasizes that this kind of discourse has not only a home dimension, but also a foreign policy one and, consequently, internal and external addressing. Its reception in Russia is distorted due to remoteness of observers, which does not allow them to see how fakes and the new post-truth vocabulary are actually interpreted by the agents in the process of intra- or intercultural confrontation.

Keywords

social epistemology, post-Truth vs post-truth, knowledge game, modal power, knowledge politics, non-experts, Steve Fuller, Erasmus' solution, bullshit, rhetoric, theatrics, thespian presidents

For citation

Fefelov A. F. The Lexico-Semantic Field of Post-Truth in Socio-Political Discourse. *Vestnik NSU. Series: Linguistics and Intercultural Communications*, 2023, vol. 21, no. 2, pp. xx–xx. (in Russ.) DOI 10.25205/1818-7935-2023-21-2-120-136

Современный носитель мифов свято чтит
науку и беспрестанно бьет ей земные покло-
ны, осеняя себя семиотическим квадратом.

Club them over with better theatrics.

По мотивам статьи А. Бузиды

Введение

В первой статье о концептуализации слова *post-truth* в англосаксонской ментальности (США и Англия) мы выявили круг понятий, которые достаточно надежно маркируют ее два направления.

Узкие трактовки раскрывают суть и формы проявления *post-truth* в контекстах общественно-политической жизни страны, противостояния с внешними противниками. *Post-truth* становится в этом случае отражением новых тенденций в политике (policy!) информацион-

ных игроков, прямо или косвенно участвующих в политических процессах (politics!). Сам маркер *post-truth* в сочетаниях типа *post-truth era* (а также ~ world, politics, politicians, culture, environment, game etc) приобретает смысл официального признания *медийным сообществом* двух стран давно уже очевидного нам факта – информационное обеспечение обязательно предполагает формирование идеологической позиции, ее дальнейшее продвижение и консолидацию политических союзников.

Широкие трактовки выводят на первый план в ЛСП *post-truth* следующие понятия: highly likely, post-truthfulness, denialism, ideology-driven denialists, pseudoscientists, “skeptics”, lies, lie-tolerant, tampering with truth, fake-news, death of expertise, PR, truther, truth-teller, post-truther, dox/doxx, fact, fact-challenged, fact checking, hoax, wishful thinking, “flat-earthers” [Фефелов, 2023]. В русском языке эта семантика отражается терминами *клиповое мышление*, *параллельная реальность*, *локальный дискурс*, *нарциссическая личность*, т. е. асимметрично.

Узкие трактовки *post-truth* развивают информационно-политические концепции перехода общественно-политической коммуникации на креативную парадигму обращения к внутреннему и внешнему адресату, параметры которой еще только обсуждаются. В русском языке ее предпочтительно обозначить термином *парадигма постправды*, так как сема *истина* теряет прежнюю ценность (суггестивную силу) и не является более значимой для адресата политического дискурса.

Вопрос о принципиальной новизне этой политической парадигмы постправды остается спорным, что отмечается в самом медийном дискурсе утверждением «<...> We have always been in *post-truth* politics (Slate Magazine). Действительно, имплицитным словосочетанием *post-truth* тезис о политике, избегающей манипуляций разного рода, апеллирующий к чувствам политического адресата, крайне сомнителен. Дело, вероятно, в том, что несколько кампаний последних лет, прошедших в странах «эталонной» демократии, наглядно показали «всем своим», что пренебрежение принципом достоверности сообщаемой информации и подмена рационально-логической аргументации театрально-аффективным воздействием (theatrics) – это не выдумка геополитических оппонентов, а истинная правда.

Кроме того, люди все чаще игнорируют установки медийных авторитетов. Термин *post-truth world* или politics указывает в этом случае уже на то, что в европоцентричном мире появились категории адресата, который саботирует деятельность «своих» СМИ и обнуляет их усилия по распространению той информации, которую мейнстримные медиа считают достоверной¹.

Важно и то, что в условиях многополярности прежние приемы нормирования массового сознания (т. е. дефинирования образов реальности) перестают работать. Виновником этой ситуации очень часто пытаются подать Россию, которая предлагает альтернативный взгляд на сущность происходящих геополитических и культурных процессов. На этот фактор указали, в частности, хорватские аналитики официальных документов Евросоюза по защите от «фейков»: «<...> политики и СМИ часто говорят о фейковых новостях² в привязке к „русской пропаганде“ <...>» [Бebич, Воларевич, 2018. С. 451].

Мы сосредоточимся на выделении ключевых терминов, которые покажут разнообразие трактовок и оценок информационно-политического поля *post-truth* в англоязычной литературе. Факт остается фактом: ложь, различные формы искажения правды, истины, достоверности, дезинформации, фальсификации, распространение слухов, мистификаций появились в общественно-политической коммуникации задолго до прихода цифровой эры и «расцвета» *post-truth*.

¹ Информационная ситуация вокруг «северных потоков» показательна в этом отношении.

² Именно они часто рассматриваются как полный синоним *post-truth* в журналистике: «<...> фейковые новости стали символом новой медиа-парадигмы, <...>» [Бebич, Воларевич, 2018. С. 451].

1. Узкие предметно-дискурсивные категоризации и интерпретации феномена post-truth S. Fuller, B. Martin, D. Hewitt, A. Bouzid, A. Hyövänen

1.1. Журналистская аналитическая лексика

Среди англоязычных авторов, которые связывают феномен с процессами медийно-политической коммуникации, есть не только специалисты по социальной эпистемологии и политологии (Steve Fuller, Brian Martin, Des Hewitt, Ahmed Bouzid, Ari-Elmeri Hyövänen), но и журналисты (в частности, James Ball, Evan Davis, Matthew d'Ancona), описывающие феномен на своем профессиональном жаргоне. Язык и терминология этих последних сильно маркирована эмоционально-аффективными интерпретациями, они не осмысливают, а «переживают» реальность, поскольку ее ненормальности не вызывают у них уже никакого сомнения.

В лексиконе Дж. Болла и Э. Дейвиса основным объектом критики стал *bullshit*. По сути, это есть иное название для феномена post-truth, оставшееся, однако, неосмысленным. Так, «дефиниция» Дейвиса крайне размыта: «любая форма вербальной или невербальной передачи информации, которая не является самым ясным и сжатым переложением сообщения источника» [Martin, 2019. Р. 160]. Примерами того являются *ложь, обман, тарабарица* и некие «вафли» (от waffle с переносным значением *взор, болтовня*). Фигурирует и совершенно пустая для риторического анализа информационной коммуникации метафора padding с букв. значением *обивка, наполнитель* и перен. *вода*³. Это всего лишь синонимы слова *bullshit*, профессиональные жаргонизмы с негативной коннотацией и функцией осуждения распространенной риторической стратегии, называемой еще многословием, с которой стилисты и редакторы борются с давних пор. Словарные эквиваленты *bullshit* (чушь, ерунда, фигня, бред (сивой кобылы), чепуха, абсурд и т. п.) также передают не его понятийное содержание, а лишь резко негативное отношение к какой-то «беде»⁴, якобы поразившей медийное пространство. Они не помогают понять и четыре особенности *bullshit*'а, относимые к его/ее технологии, ее/его источникам, а именно: скрытые смыслы, человеческие слабости, сиюсекундность, особенности культурных норм [Martin, 2019. Р. 160]. Можно лишь догадаться, что место авторов-профессионалов оккупировали пустозвоны, которые стали «гнать пургу», наводить креативную тень на накрепившийся плетень мейнстримных газет, разбавлять их набившую оскомину менторскую белиберду посконной хуторянской кебезенью⁵ в духе гордой советской формулы «мы ваших университетов не кончали».

Обращение к изобретателю понятия 'bullshit' Г. Франкфурту (Harry Frankfurt) тоже дает мало конкретики [см. Noah, 2005]. Основной признак этой риторической стратегии у него – все тот же отказ от содержательной и предметной конкретики (= is indifferent to its truth-value), ее замена синтаксически правильными, но пустопорожними предложениями, приятными для слуха, но по сути лишенными смысла. По этим признакам сама презентация книги Франкfurта тоже является примером буллитита. В журналистском лексиконе появился и трендовый термин *ecology of bullshit*, с помощью которого Болл клеймит платформы Facebook и Twitter [Martin. Р. 157]. Он призван транслировать идею популярности этой информационной культуры. Но такая речевая (текстопорождающая) стратегия не нова, она издавна описывается в русской учебной среде метафорами «лить воду» и «заговаривать зубы». Она даже оправдывается отчасти фати-

³ Анонимный пример из сети: “Most of their woolly phrases are mere *padding*, which can be left out altogether, or replaced by a single word”, или «Большая часть их пушистых слов это просто вода; их можно вообще выкинуть или резюмировать одним [правильным] словом».

⁴ Характерный пример осознания: «Мы не понимаем толком, что это такое, но его много везде»: “We have no clear understanding of what bullshit is, why there is so much of it, or what functions it serves”. Noah, T. Defining Bullshit. <https://slate.com/culture/2005/03/defining-bullshit.html>

⁵ Достоинство этого последнего эквивалента только в том, что он фоносемантический, т. е. сугубо иррациональный.

ческой функцией языка, поскольку обеспечивает на «разговорном» радио с помощью болтовни (small talk) приятную атмосферу общения, во время которого могут быть даже оглашены и какие-нибудь фактуальные истины.⁶

Однако в политическом дискурсе возникло опасение, что с помощью пиаровского буллитизма истины «простых граждан» могут быть легко выведены в ходе дискуссии на периферию [Huvvönen, 2018. Р. 2]. Действительно, вымысел перемешивается в нем с достоверными фактами, и это осложняет проверку на объективность; широко используются приемы отвлечения внимания, смещения смысловых и логических акцентов, подмена понятий [Martin, 2019. Р. 157], хотя вывод о появлении нового речевого жанра никто еще не делает. При этом медийный spin реализуется всегда в риторической схеме информационного сообщения, в сопряжении и соединении с реальными фактами о событии [Ibid. Р. 160].

Отсюда можно заключить, что адресант похож на фокусника, который жонглирует новостными и прочими сообщениями, что и приводит к аналогии с артистами (bullshit artists). «Артисты» связаны с этой фокуснической «кебезенью» ассоциативно, как фигура провокатора (a provocateur) [Ibid. Р. 156].

Неологизм fake-news представляет явление *post-truth* немного иначе: в журналистском дискурсе фейки подаются как главный *инструмент* реализации постфактуального политического дискурса, при этом слово fake-news одновременно несет на себе функции обвинения условного противника и его дискредитации.⁷ Т. МакКонагл отмечал, например, что fake стало «эмоционально заряженным», т. е. используется в качестве ярлыка в спорах с оппонентами для того, чтобы сразу поставить под вопрос их компетентность, указать на предвзятость, вызвать недоверие к правдивости контента [цит. по Бечич, Воларевич, 2018. С. 448]. Не исключено, что мы наблюдаем всего лишь попытку обновить с помощью этой новой идеологемы риторику осуждения и обличения, несколько утратившую силу воздействия.

Действительно, вникать в эти понятия пока еще чревато риском стать жертвой *post-truth*: многие, в частности, *posttruth, truth, facts, fake news*, относятся к спорным [Martin, 2019. Р. 156]. Дефиниция Болла, например, не специфична: “fake news” – это «фабрикация новостей как инструмента достижения поставленной цели» [Ibid, 2019. Р. 156]. При этом никто не откликнулся на попытку Макинтайэра провести различие между “fake news stories” и “fake news” [Evers, 2018], а оно, в отличие от выдумок мифомана или рекламиста, предполагает некую сценарность, художественную фикциональность [Стырина, Мартироян, 2021. С. 94], а также абсурд, увлекательность и развлекательность [Сухих, Горшкова, 2020. С. 61–63], способные повлиять на *интерпретацию* политического события или процесса.

Не удастся выдержать единство концептуализации *post-truth* и М. Данкона (d’Ancona). Иногда объем понятия равен у него дефиниции OED (примат эмоций над рассудком у *адресата*), иногда это уже признание принципиального равенства аргументов всех участников обсуждения, т. е. экспертов и дилетантов, и иногда определяющим признаком становится переизбыток вранья. М. Данкона един с Л. Макинтайэром в обвинении постмодернизма как одного из главных провокаторов *post-truth*: если «все является социальным конструктом (social construct), то как тогда понять, что ложно, а что истинно?» [Martin, 2019. Р. 159]. Вопрос, как видим, ставится им не в информационно-коммуникативном плане, который оперирует понятиями объективность (автора) и достоверность (его фактов), а в философском, который предполагает обязательное наличие общепринятого в данной социокультурной системе мерила истинности/ложности. Не случайно А. Бузид потребовал вернуть baseline of truth (см. далее).

Гораздо важнее в этой ситуации, пожалуй, другое: на примере рецепции постмодернизма в Америке можно понять другую константу, как на самом деле взаимодействует академическое

⁶ Например, советы Пилату, как правильно мыть руки на основе статьи «10 главных ошибок при мытье рук».

⁷ Кстати, российские авторы тоже выводят термины фейк, фейковые новости в центр лексико-семантического поля *post-truth* [Котова, Дукач, 2018; Ершов, 2018; Иванищева, 2018], но этот вопрос требует отдельного анализа.

знание и общество. Выйдя за стены академий в массы полубразованных людей, пусть и самых передовых стран мира, постмодернизм (получивший название *French Theory*⁸) превратился из последовательного учения в бессвязный набор идеологизированных трендовых понятий. Такова судьба всякого высокого знания, и его статус был уже неоднократно обсужден в языке и художественной литературе. В данном случае уместнее другая «мудрость»: *La mauvaise science est pire que l'ignorance*, американский смысл которой раскрыл Н.Хомский в статье с парадоксальным названием “*Education is Ignorance*” [cf. Фефелов, 2017]. Действительно, плохо усвоенное несистематизированное знание иногда гораздо хуже, чем здравый смысл безграмотного человека.

Обычному человеку нужны только те истины, которые позволяют создать целостный образ действительности, поэтому он всегда ограничен своей локальной средой в силу ее большей доступности для проверки своих «гипотез».

1.2. Стив Фуллер и Ханна Арентс: эгоцентричные правды/истины

Начнем с британца Стива Фуллера. Он развивает компромиссную концепцию, суть коей заключена во французском речении “*À chacun sa vérité*”, и является самой заметной на данный момент фигурой в этом поле.

Когнитивный и философский посылы идеологемы «каждому свою истину» поддерживаются новообразованием *multiverse*⁹. Оно отвергает понятие *Universe*, имплицитное единую и неделимую *Truth* (зд. Истина). Это не первая попытка отмены универсума. Ранее идею *universe* уже пытались раскрыть с помощью орфографического приема как *youiverse* [Фефелов, 2015. С. 64]. В нем Вселенная с помощью «креативного» насилия над означающим превращается в концептуально опорное *You* и что-то там еще этимологически бессмысленное. *Youiverse* – это аналог библейского выражения «пуп земли» (*navel of the world*), идеал современной нарциссической личности, признающей верными только свои эгоцентричные суждения и интерпретации реальности [о ней в Хлебникова, 2022].

Л. ван Зоонен предлагает отображать распространение подобных эгоцентричных интерпретаций реальности креативным термином “*I-pistemology*” [Бечич, Воларевич, 2018. С. 449], сопрягающим в игровой форме классическую теорию познания (эпистемологию) с *you-ни-версовцами*. Такая истинностная установка может повлиять на политическое волеизъявление граждан и особенно на надежность его социологического выявления, ибо «формула <...> «[политическая] аудитория – эхо СМИ» <...> уже не работает [Гарбузняк, 2019. С. 186]. Заметим, однако, данная категория граждан не желает примыкать к какой-то бы ни было политической партии. Она предпочитает развивать культуру отмены, т. е. моментально реагировать кликом в рамках культуры (со)участия на любой значимый социальный или этический раздражитель, явленный в креативном виде.

Новообразование *multiverse* гораздо скромнее в своих претензиях; оно имплицитно идею многополярного мира и/или дробление прежде единого культурного пространства с общими ценностями, нормами и правилами на ряд областей, каждая со своим взглядом на мир, философией познания и независимыми суждениями относительно истинного/ложного в мире и у себя. Поговорка «Каждому свою истину» выражает это устремление в предельном виде.

Что касается реакции С. Фуллера, то он просто признает, что слово *truth* утратило в массовом сознании свой прежний престиж, что пресса не может больше апеллировать к авторитету евангельской Истины или истин науки. По этой причине он соглашается с оправданностью заключений о переходе в *post-truth era* или *world*, но акцентирует *post-truth politics* и *politicians*.

⁸ Foucault, Derrida, Deleuze, & Co.

⁹ We exist in the postmodern, relativistic, post-truth, post-fact *multiverse* of our own making (NOLA.com). Но к этому контексту больше подходит слово *youiverse*.

Это значит, что общественно-политическую коммуникацию, диалог власти и социума нужно отныне выстраивать на новых основаниях, для которых значимость истины/правды уже не будет решающей. Как следствие, должна возникнуть новая риторика (стиль, стилистика, формат) общественно-политического дискурса.

Теоретические предпосылки к «отставке» truth (в облике правды, прежде всего) возникли уже давно. Их сформулировала Ханна Арендт [cf. Huvönen 2018. P.2], когда выделила две главные категории истин по признаку их роли в общественно-политическом дискурсе: рациональные и фактуальные (rational and factual truths). Рациональные истины¹⁰ редко приобретают сколь-нибудь значимую актуальность в политической борьбе, тогда как фактуальные «составляют саму ее ткань» [цит по Huvönen, 2018]. Но фактуальные truths¹¹ – это не истины в строгом понимании, а мнения или позиции рядовых граждан, их verities [Judgement and Validity, Arendt, SEPh]. Они часто основаны на сообщениях, новостях, инфоповодах, вбросах, слухах, сопровождающих обычную жизнь социума и обнаруживаемых ежедневно СМИ. Пресса апеллирует к ним как к фактам, хотя в их достоверности и объективности представления она и мы имеем реальные основания усомниться либо же выдумываем «по шаблону» такие основания¹², если находимся в ситуации информационного противостояния или культурного конфликта.

Однако в отличие от идеологов медийной post-truth эры Х. Арендт не отменяет рациональные истины как таковые, а всего лишь критически оценивает желание распространить их стандарт на обыденную жизнь людей, принципиально отличающуюся плюрализмом моделей и их релятивностью [Arendt, Judgement and Validity, SEPh]. Если перевыразить то же самое в лингвистических терминах, то абсолютные истины греко-христианской философии – это семантический уровень, а обыденная жизнь – это синтагматика или прагматика (praxis). Х. Арендт отвергает лишь позицию Платона, который принижал роль мнений толпы (doxa) в политике, поскольку сейчас информационное общество диктует «необходимость убеждать сограждан в достоинствах или легковесности [предлагаемых к обсуждению. – А. Ф.] мнений, получать их согласие на конкретное предложение или предлагаемое [властью. – А. Ф.] решение проблемы» [Arendt, Judgement and Validity, SEPh]. Впрочем, она дала повод критиковать себя, поскольку признала, что кажимости могут приобретать в политике статус реальности,¹³ что явно открывает дорогу post-truth идеологии.

Было бы вообще сильным преувеличением считать, что культура участия подняла «личный опыт до уровня единственной релевантной истины» [Бечич, Воларевич, 2018. С. 449]. «Частные истины» вообще остаются вне процесса познания действительности, несмотря на численное доминирование в гипертексте. Их коннотации, индивидуально-личностные осмысления, всегда накладывающиеся на денотат или референт, все равно не могут отменить ни денотат, ни референт. Что же касается политических споров с властями, то они вообще не об истинности и даже не о правде, а об адекватности (правильности) проводимой ими политики в сложившейся ситуации, да и то в идеале.

Также слишком категорично, на наш взгляд, постулировать всеобщее безразличие «к тому, какие факты находятся в основе [высказываемого] утверждения» [Котова, Дулян. 2018. С. 132]. Другое дело, что среда, где приоритет отдается «фактуальной истине», выдвигает на первый план в качестве аргумента свою удовлетворенность положением дел (нравится/не нравится), не озабочиваясь особо логическими аргументами.

¹⁰ Здесь снова придется слегка выйти за рамки политической лингвистики. Под эту категорию подпадают продукты человеческого разума в виде философских, научных, нравственно-этических (the Platonic 'true standard of human conduct') и, вероятно, библейских истин.

¹¹ Их никоим образом нельзя путать со знакомой переводоведам фактуальной информацией И. Р. Гальперина, образующей в художественном тексте триаду вместе с концептуальной и подтекстовой (имплицитной).

¹² Имеются в виду ситуации типа «я сам обманываться рад».

¹³ "In politics, Arendt argued, *appearances* constitute reality" [Huvönen, 2018]. Да, бывает. Но все что мнится, чревато самообманом и лишено стабильности.

К тому же ложь воспринимается как бесспорное зло лишь в случае демонстративного и «токсичного» отклонения от стандарта поведения, принятого политиком или обществом. Когда же это отклонение является случайным и имеет рациональную, а не этическую природу, то это вообще уже не ложь, а заблуждение.

1.3. Фуллер: *Knowledge game, modal power u knowledge politics*

В концепции обновления политического дискурса С. Фуллера, признающего нейтрализацию оппозиций истина/заблуждение и правда/ложь¹⁴, ключевыми являются понятия *knowledge game* и *modal power*. Понятийная семантика словосочетания *knowledge game* в целом, так и, особенно, его компонента *knowledge*, остается еще неясной. Возможно, имеются в виду знания как объект полифонической игры по Бахтину; это дает возможность релятивизировать знания, сделать их культурным капиталом носителей различных социолектов. Адекватны такой ситуации и соображения О. В. Хлебниковой об искажении существа концепта «знание» на новейшем этапе развития образования, не всегда справляющегося с задачей просвещения и, тем более, интеллектуального развития индивида [Хлебникова, 2022, С. 202]. Знания уже далеко не идеал и не сила, как в известном афоризме Ф. Бекона “Knowledge is Power”. В общественно-политической коммуникации их место занимает информация, сообщения, известия о потоке событий и «событий»¹⁵, их пересказы, интерпретации. Возможно, что в *knowledge game* Фуллер имплицитно подразумевает агентства новостей, политиков и прочих отправителей, распределяющих и направляющих поток информации. Оно дополняется у него квазисинонимом *post-truth game*, причем понятие *post-truth* рассматривается как неотъемлемая конститутивная часть «игры в постправду», в ходе которой отправители стремятся стать правителями, т. е. лидерами общественного мнения.

Понятие «модальная власть» (“modal power”) определяется как «право устанавливать модусы (условия) дискуссии, т. е. «определять, что можно думать и что можно говорить» [цит. по Martin, 2019. Р. 161],¹⁶ хотя здесь имплицитно подразумевается право давать или лишать слова, а также не принимать к рассмотрению высказанное мнение по формально-юридическим критериям. Поэтому в эпистемологической перспективе *post-truth* должна трактоваться как отказ принимать действующие правила признания знаний истинными или ложными. *Post-truth* у Фуллера – это константа борьбы (*struggle over*) за знания и за политику. Более того, это вопрос о предпосылках всякой дискуссии: одни «играют» по существующим правилам определения истинности, а другие постоянно пытаются трансформировать их к своей выгоде [Martin, 2019. Р. 161]. Все это обозначается у Фуллера неологизмом *knowledge politics*, также плохо поддающимся переводческой интерпретации. Нам здесь привычнее говорить об образовательной политике или политике просвещения в значении английского слова *policy*.

Существенной новацией *knowledge politics* является легитимация Фуллером в «мире постправды» неэкспертов (“non-experts”). Это еще одно новообразование, корявость которого оправдывается только тем, что в нем нужно эксплицитно подчеркнуть «отмену» экспертов, т. е. носителей истинного знания, умеющих осмысленно оперировать системой согласованных понятий. Неэксперты с их тотальной симуляцией означающих уже заняли свою нишу в публичных дискуссиях на интернет-площадках, что и дает С. Фуллеру основание признать эту новую реальность как очевидное проявление демократизации управления знаниями в мире постистины. Но последовательные труферы смотрят на этот процесс иначе: они (русские философы, например) относят его к области параллельного асоциального мира [Гиренок, 2012].

¹⁴ Это значит, что наряду с оппозицией истина/ложь, нужно признавать оппозиции истина/неистина, ложь/неложь.

¹⁵ Напр.: «Гусь обратил в бегство тигра и удивил соцсети» (или свинью).

¹⁶ “the power <...> over what it's possible to think or say”. Он, похоже, «оговорился», поскольку сказано без обязательной для английской культуры амбивалентности.

Демократизация норм культуры речи в Великобритании оказалась возможной: радиовещание отказалось от строгих орфоэпических норм под давлением более «распущенной» разговорной нормы. Но языковая норма – это как сказать, а не что сказать. Область же знания предполагает очень тесную связь с настоящей Истиной, ее многовековым дискурсом, с Britannica, а не Wikipedia, поэтому уравнивать неэкспертов в правах с экспертами будет сложно даже под давлением нарратива об отмене компетентности (death of expertise).

Заметим, что вопреки своей базовой установке Фуллер не апеллирует в данном случае к авторитету Б. Шоу, пошутившего как-то, что все (британские) университеты надо сравнивать с землей. Зато он реализует его мечту с помощью перформативной потенции языка, т. е. придумывает для обозначения людей, развивающих собственное понимание научных истин, термин “protoscience” [Martin, 2019. P. 161]. Из-за крайне темной внутренней формы новообразования¹⁷ его предназначение остается манипулятивным. По своей риторической сути это эвфемизм для обозначения альтернативно одаренных людей. Назвать их первоучеными нельзя, поскольку наше общество уже не первобытное. А в силу инерции эта единица неизбежно разовьет противоположное – ироническое – значение: утратив искомую толерантность и демократичность, она превратится в инвективу.

Положения С. Фуллера, эксплицированные через лексическую семантику его системы понятий, не показывают, как мыслится реализация принципа «модальной» власти, тем более что академическое сообщество он отвергает под предлогом его дисциплинарной раздробленности: “academia, being broken into disciplines, is ill-suited for post-truth inquiry” [Martin, 2019. P. 161]. Поэтому осмотрительнее связывать интенцию Фуллера лишь с общественно-политической коммуникацией (массмедиа, реклама, политики, политтехнологи, пиарщики и адвокаты), а не с наукой как таковой или научной истиной британских ученых [ibid, p. 162].

1.4. Des Hewitt: не нужно уступать этим малограмотным диссидентам и еретикам

Д. Хьюитт вводит в семантическое поле *post-truth* еще ряд терминов, связанных с социально-эпистемологической концепцией С. Фуллера. Ее жизнеспособность у Фуллера аргументируется «по старому шаблону», т. е. ссылками на авторитет древнегреческих философов, на диалоги Платона, на Аристотеля, Фукидида и др. Его внимание фокусируется на их мыслях о месте и роли театрального действия (букв. performance, production) в политической жизни древнегреческих полисов. Хьюитт связывает эту стратегию Фуллера с *post-truth* следующим образом: «...он хочет представить их высказывания о театральном действе как метафору политических представлений а ля Трамп в нынешнюю эру политики постправды» [Hewitt, 2020. P. 51].

В подражание Эзопу в лексическом поле *post-truth* появляются и метафорические «львы» и «лисы» (‘lions’ and ‘foxes’), которые призваны символизировать два главных типа политиков посттруперов будущего (post-truth politicians). Оценим их перспективность из нашего культурно-исторического пространства. «Львы» будут восприниматься всего лишь с поправочной ассоциацией «британские» и особого ущерба не понесут (если только не столкнутся в языковом сознании масс с медведями или не превратятся в волков в овечьей шкуре). Но «лисы» подвергнутся символической рефракции, поскольку они неизбежно будут превращаться в лисиц и наделяться негативными чертами в соответствии со своим русским образом Патрикеевны.

В критической оценке Д. Хьюитта стоит обратить внимание и на производное терминоподобное словосочетание fake news ‘populism’, в котором объединены два синонима *post-truth*:

¹⁷ прѹтѹ обозначает: первичность, первоначальность; первенство, главенство (от греч. прѹтѹс – первый; главный); соответствует рус. перво- Анатомия терминов. 400 словообразовательных элементов из латыни и греческого: учебный словарь-справочник. М.: НИЦ ЭНАС. Быков А. А. 2007.

фейковые новости выступают в качестве инструмента популистской политики. У Д. Хьюитта это слово тоже не имеет определенной семантики. Он считает, что его десигнат был сформирован еще Фукидидом и что у других греческих философов «*tylo* тоже в пушку» (= “have been guilty of it”) [Hewitt, 2020. Р. 51]¹⁸. Комментируя обоснованность понятия *post-truth power game*, Д. Хьюитт резко критикует призыв Фуллера признать законность места антинауки (*anti-science*, он увидел ее в *protscience* и назвал истинным именем) в будущем общественно-политическом дискурсе (*post-truth politics*). Он сомневается и в том, что настоящим ученым и профессионалам придется смирить гордыню компетентности и «преклонить колени» перед альтернативной наукой и новым энциклопедизмом [Hewitt, 2020. Р. 48]¹⁹. А идею Фуллера рассматривать *post truth politics* как инструмент дальнейшего развития общественной демократии он называет «возвратом к фашизму», поскольку предполагается, что *truth* (в виде истин или правды) обществу будет навязываться принудительно [Hewitt, 2020. Р. 48]²⁰. В этой критике Д. Хьюитт, конечно же, выходит за рамки узкой медийной информационной проблематики, выступая с позицией защитника как истины, так и правды в их традиционных научно-философских трактовках, солидаризируясь, таким образом, с Макинтайэром. А формулировка «this is corruption not just post-truth politics» показывает, что он еще не забыл традиционные религиозно-этические трактовки *truth*, в которых превалирует акцент на правде, и праведности: слово *corruption* имеет в английском языке очень широкую семантику нравственного разложения во всех его формах, а не только в объеме уголовного права, как в современном русском.

2. А. Бузид: не post-truth, а post-Truth.

Переход на феспидскую парадигму отстаивания правды и Истины

Концепция С. Фуллера имеет, однако, и сторонников, интерпретирующих и развивающих его понятийную систему. Показательный пример – Ахмед Бузид [Bouzid, Ahmed. 2022], который обоснованно поправил всех, включая Фуллера, сказав, что на самом деле они говорят не о post-truth, а о post-Truth.

Несмотря на «детский» способ²¹ концептуализации, это различие является принципиальным. Есть несколько способов показать его.

Во-первых, через библейские толкования, где Truth (The Truth, Thy Truth) – это сама божественная Истина, к которой до сих пор апеллируют все христиане как к идеалу праведной жизни и которая настолько глубоко прошла через всю англоязычную литературу, что адекватно понять ее произведения без декодирования библейских импликаций в инокультурной среде невозможно [Hewitt, 1997].

Во-вторых, через идеологемы американской государственной власти, давно уже сказавшей публично, где находится «империя зла» и кто имеет право определять это. США стремятся утвердить себя в образе единственного защитника Добра, Истины и Блага от «империй зла» и прочих усомнившихся в величии Америки. Если президенты этой страны еще не произносят во время принесения присяги слов «I am the Way, the Truth and the Life», то это потому, что мысль передается и без цитирования слов Христа перед своими учениками – она в их Manifest Destiny и в культурно-религиозном подтексте.

¹⁸ “So how old is fake news and is Thucydides the originator of it and have historians and philosophers been guilty of it themselves?”

¹⁹ “<...> post truth politics is <...> something expertise and science will have to get used to”. В новом энциклопедизме от Britannica остаются только корешки томов.

²⁰ “This is not truth; it is a reversion to fascism”. Заметим, однако, что само понятие *фашизм*, уже превратившееся в политико-идеологический ярлык, прошло в Англии долгий путь развития. Киплинг у них тоже фигурировал иногда среди фашистов. А французские постмодернисты додумались проводить параллели между фашизмом и «тоталитарной» властью языковых норм.

²¹ В английской гуманитарной мысли он не только имеет место, но и достаточно широко представлен, хотя простое произнесение сразу показывает недостатки капитализации.

В-третьих, по Арндт, и тогда post-Truth коррелирует с ее высокими рациональными истинами, а post-truth – с бытовыми фактуальными.

Аргументация самого А. Бузида такова: «Когда ученые-гуманитарии пишут «мы живем в мире постправды», они хотят сказать тем самым, что в нем нет уже самоочевидного консенсуса по вопросу о том, что такое *факт* (истина/правда) и что такое *вымысел* (ложь), потому что сейчас у нас [в США. – А. Ф.] уже нет такой авторитетной инстанции, которая принималась бы всеми <...> в качестве источника общеприемлемой истины, сравнимой с евангельской» [Bouzid, 2022. P.14]²². Этот же тезис вербализуется у него и чуть иначе: «почти полное исчезновение общей линии отсчета» (“near disappearance of an agreed upon baseline of truth”) [Ibid. P. 15], причем серьезность положения аргументируется примерами нескольких конфликтов [Ibid. P. 16–17]. Их предметный анализ снова выходит далеко за рамки политической лингвистики и проблематики фейков, зато они самым прямым образом иллюстрируют сущность постфактуальной реальности (“post-truth condition”) в США. Эта констатация позволяет нам сделать вывод об агональности описываемой им ситуации, близкой к предреволюционной, когда невозможно уже достичь согласия с помощью разумного диалога без эмоций (“dialog and reason”), слов и текстов (“words and text”), спокойного разговора [Ibid. P. 15]. Такой вывод подкрепляется и его оценкой: «Это пугает» (“It is frightening”), теперь остается полагаться только на власть/силу (power), причем эта последняя концептуально определяется им как эвфемизм насилия (“which is a euphemism for violence”), а не как «мягкая власть» (soft power).

По тексту Бузида реконструируется образ общественно-политической риторики традиционалистов. Они еще верны идеалам европейского рационализма, верят в силу разума, агитируют своих сторонников с помощью развернутой логической аргументации, подкрепляют мысль фактами (“provide facts”), говорят полными предложениями, хорошо структурируют абзацы и периоды, следят за формальной и логической связностью, отличаются интеллектуальной честностью [Bouzid, 2022. P. 18]²³. Поддерживая их интеллектуальную честность, Бузид все-таки считает, что «сам язык, на котором написана история США, настолько уже перегружен [эмоциональными коннотациями], что стал бесполезным для целей назидания и образования» [Bouzid, 2022. P. 16]. Дело, однако, еще и в том, что само слово *truth* крайне многозначно.

Коллективный языковой портрет неэкспертов, материализующих идею политической истины в мире постправды, тоже дается, но окольно, с опорой на Платона, обличающего и бичующего их *clown shows*, т. е. «клоунские шоу, маскарады и парады» в переводе на современный язык. Эти голодные бродячие труппы (theater troupes), носители альтернативной правды и истины, имевшие влияние на простой народ, состояли из самозванцев, лицедеев, зарабатывающих притворством, лгунов и полемистов, пошлых софистов и безответственных драматургов. Применительно к американскому политическому контексту портрет их наследников суммируется у Бузида двумя новыми понятиями: “histrionicracy” и *thespian president*, т. е. «театрократия» и «театральный» (феспидский²⁴) президент [Bouzid, 2022. P. 18].

Но при такой чуткости к слову удивляет то, что он ставит знак равенства между концептами *truth* и *fact* с одной стороны, и *lies* и *fiction* – с другой. Такое уподобление, конечно же, сильно упрощает очень сложные отношения между этими понятиями. В его дискурсе понятие Truth вошло и в состав крайне необычного для самосознания США словосочетания а monopoly of

²² Как видим, устранить из сознания прецедентный христианский дискурс невозможно, даже если вера «отменена».

²³ К их числу он относит американских политиков Dukakis’a, Kerry, Hillary Clinton и англичанина Corbyn’a.

²⁴ От Thespis – Феспид, древнегреческий драматург, которого принято считать отцом аттической трагедии («Кругосвет»). Комментарий: Идея театрокрации лучше передается словом *феспидократия*, которое поддерживается и выражением *феспидский президент*. Представляется, что еще перспективнее развивать *эразмическую* концепцию копинга (coping) с пострассудочным знанием. Эразм дальновидно воспел богиню по имени Глупость (Folly), философски сняв для нас гнет бинарного противопоставления, ставший в условиях массовой грамотности невыносимым. В баттле наша нарциссическая Dolly имеет все шансы побить Folly и надеть ее корону.

Truth; ранее подобный диагноз в отношении США мог позволить себе Н. Хомский или «кремлевские пропагандисты».

Впрочем, А. Бузид отдает себе отчет в том, что «тоскливый сухой разум рассудительного человека» уже не способен конкурировать с полемистами, «чьи красные языки пламени завораживают, ... заставляет тебя и вздрагивать, и хмуриться, и смеяться, и плакать»²⁵.

Пафос требуется Бузиду не столько для критики, сколько для постановки задачи революционного размаха – создать «истинно плюралистическое общество, ... в котором не будет препятствий для действительно истинной и честной конкуренции между идеями» [Bouzid, 2022. P. 16]. А. Бузид заметил, что С. Фуллер постулирует *post-truth* как прескриптивный конструкт, как норму, подлежащую исполнению («normative rather than a merely descriptive definition»). Это значит, что его оценка мягче, чем у Д. Хьюитта, проводшего ассоциацию между этим нормативным конструктом и фашистской технологией пропаганды, но стратегический вывод Бузид гораздо радикальнее: фуллериты пропагандируют терпение и снисходительность, но этого мало. Для победы в нынешнем мире постправды и постистины защитникам Truth (зд.: традиционных ценностей и принципов. – А. Ф.) требуется сделать ставку на театральное действо, на управление «интеллектуальными» страстями посттруферов в общественно-политической коммуникации (“...we need to put on a production. We need to tug on the passions...”). Его главный аргумент, заимствованный у Платона, гласит: «Если политику отдать в руки «артистов» [клоунов и прочих скоморохов], то все быстро и почти гарантированно закончится катастрофой» [Bouzid, 2022. P. 17]. На уровне агитационного нарратива он предлагает оппозицию Truth telling vs lying (hectoring) [Bouzid, 2022. P. 14], концептуальная оригинальность которой состоит в том, что посттруферный дискурс рассматривается как интеллектуальное фантазирование (lying), подкрепляемое угрозами в сети (hectoring), что позволяет увидеть намек на технологии культуры отмены.

В общем, по плану А. Бузид без пропаганды не обойтись, но носители и держатели «истинных истин», т. е. авторитетные СМИ, должностные лица, ученые, исследователи должны овладеть стилистикой и риторикой своих новых оппонентов на поле брани за правду и истину. Если дидактика и наука не помогают донести их до ума избирателя (имплицитно, прежде всего, он), то нужно действовать по Юму, т. е. «гетерономно» (heteronomically), а именно: *убеждать* в верности [настоящих, рациональных] истин и знаний [Bouzid, 2022. P. 18].

Другими словами, А. Бузид предлагает не переучивать иррационального избирателя, а переубеждать его. В его феспидской парадигме, обращенной к адресантам (dispensers, purveyors), на первый план выходит оппозиция true artist vs sham charlatan (настоящий [академический] артистизм vs шарлатанское кривлянье). Адресанты должны радикально обновить риторику общественно-политической коммуникации, научиться театральной манере подачи, стать мастерами эстетически выверенной подачи истины и правды [Bouzid, 2022. P. 18]. Эта программа наталкивается, однако, на скепсис, связанный с артистами булшита (краснобаями, пустобрехами и провокаторами), которые упоминались в негативном контексте у [Martin, 2019. P. 156].

Заключение и выводы

Данные о составе узкого сегмента ЛСП *post-truth* позволяют однозначно говорить о предметной и концептуальной специфичности толкования truth и связанной с ним прикладной проблематики по сравнению с видением той же truth в ЛСП широкого сегмента.

За выражениями типа *post-truth era* скрываются два разных базовых понимания данного феномена, связанных прежде всего с полисемией компонента truth: научно-образовательная, медийная и общественная сферы акцентируют в этом концепте различное содержание и различные функции. Наука, образование и просвещение выводят на первый план истинность,

²⁵ “... mesmerizing red flames of a polemicist who makes you flinch, and scowl, and laugh, and cry”.

валидность и верифицируемость знаний. У СМИ на первом плане находятся достоверность и объективность обнародованной информации, т. е. правда в общественно-политическом или идеологическом смысле, а не истина в ее научном понимании. В ее поле *post-truth* вообще не может имплицировать *death of expertise* как главную угрозу [Huvönen, 2018. P. 3].

В первом случае *post-truth* имплицитно якобы всеобщее падение уровня профессионализма (с так называемой *death of expertise*), а во втором – указывает на факты прямого обмана или введения в заблуждение в процессе агитации «чужого» адресата и сплочения «своего».

У этих двух сегментов *truth* совершенно различные отправители (*dispensers, purveyors, addressers*), каждый со своими стандартами изложения продуктов мысли, и получатели (*addressees, receivers*); получаемую информацию они также обрабатывают по разным правилам.

В этих двух сферах *truth* по-разному взаимодействует с эмоционально-аффективной (экспрессивно-стилистической) компонентой коммуникации как на уровне отправителя, так и на уровне получателя [cf. Huvönen 2018. P. 3].

«Центральная» пресса мира стала часто позиционировать себя в функции якобы независимого общественного прокурора. Она узурпировала функции сторожевой собаки (*We will watchdog you and your activities*), распространила их на все области актуализации *Truth*. А. Бузид верно подметил эту претензию, констатируя далее ее крах. По существу, она присвоила символический капитал высшей христианской формулы «*I am the Way, the Truth and the Life*»²⁶.

Перестроечная концепция С. Фуллера продиктована пафосом и этикой фактуальных истин, а не логикой рациональных. Он дает всего лишь идейные установки, упокая на манипулятивный потенциал древнегреческой философии. Он дает метафорические образы, а не риторику или программу действий. Д. Хьюитт не видит поэтому места в будущем информационном и общественно-политическом дискурсе фуллеровским понятиям *модальная власть, post-truth power game, post-truth politics, protscience*, квалифицируя их как карикатуру на новую британскую демократизацию познания.

Переводческая интерпретация почти всех ключевых терминов и терминоподобных новообразований медийного сегмента *post-truth* еще чревата сильной манипулятивной рефракцией («русификацией»), обусловленной этнокультурным контекстом русского адресата.

А. Бузид соглашается с пафосом С. Фуллера по защите Истины, но его призыв к построению диалога между носителями Истины и гражданами на основе тотальной «театрокрации» («феспидократии») радикальнее и несколько фантастичен. На деле призыв «глушить» их фактами и логикой, но креативнее, чем оппоненты»²⁷ имплицитно и реализуется форматом ток-шоу.

Таким образом, в целом вывод прессы, представленной здесь Дж. Боллом, Э. Дэвисом, М. Данкона, о пропаже истины и правды, весь ее лексикон, за исключением *fake news*, является свидетельством эмоциональной реакции медийного сообщества. Это симптом иллюзорного видения информационно-политической ситуации в целом, признак внутреннего политико-идеологического кризиса агонального характера в условиях резкого обострения геополитической и геокультурной ситуации. Вокруг него много показной шумихи, «вербально-дымовых завес», конъюнктурных спекуляций, внешнеполитического подтекста. Все это стало называться *post-truth* эра.

Косвенная апелляция (западной) прессы к правде/истине в диагностических словосочетаниях типа *post-truth (era, world, politics, politicians etc)* может также иметь своей целью выражение претензии на утверждение себя в качестве законного культурно-исторического носителя общественной Истины, т. е. в роли наставника-пастора, отобранной у Церкви.

²⁶ «Я – путь, и истина, и жизнь; <...>» Иоанна 14:6 / Русский синодальный перевод (Юбилейное издание) | Библия Онлайн.

²⁷ Предлагаю иную английскую редакцию: “Club them over with better theatrics”. Она уже реализуется бесспорно феспидским президентом в стране с названием Youcraína.

Наиболее глубокий, на наш взгляд, анализ феномена post-truth era (world etc) в медиапространстве предложил Ю. В. Шатин [2012, 2020], хотя он предпочитает не видеть альтернативу правда/истина, говоря всякий раз о правде. Кроме того, он объединяет западное, восточное (латиноамериканское, африканское²⁸) медийные пространства в единое целое, что является ошибкой, поскольку именно оппозиция между ними по морально-этическим и культурным критериям добра и зла стала основанием для противоборства аргументов в ходе развернувшейся культурной войны между «либералами» и «консерваторами» по поводу дефинирования правды и истины.

Термина *истина* (тоже truth) и его места вне медиапространства, т. е. в академической, абстрактной и научной мысли, он также избегает, что несколько сужает границы реального феномена post-truth era. Зато он формализует в определенной степени риторику нового медийного дискурса. Основной принцип²⁹ создания постправды – произвольный монтаж, разнородность фактов, искусство их «логичной» склейки, при том что таковая является всего лишь правдоподобной. Заметим, однако, что этот принцип имеет силу только в пределах отдельной статьи, телепередачи, новостной программы и т. п., тогда как для феномена постправды большее значение имеет медийный гипертекст, подчиненный жесткой схеме, в котором Ю. В. Шатин выделяет «четыре элемента: медийную персону, криминальную фабулу, пошаговое развитие сюжета и неопределенность финала» [Шатин, 2020. С. 253]. На наш взгляд, суть новой «дискурсивной риторики» именно в этих элементах, которые слить воедино можно только с помощью информационной политехнологии, целенаправленной пропаганды, пошагово развивающей сюжет в зависимости от внешней реакции на него различных органов печати, их авторов и прочих потенциальных адресатов. Неопределенность «финала» ею и определяется. Да и место персоны может занять какой-нибудь важный политико-информационный повод (например, чемпионат мира по футболу в России, очередное отравление, приговор суда и т. п.), а фабула в культурной войне не обязательно должна быть криминальной. Кроме того, совсем упущен из вида фактор контроля информационной повестки дня: выведение в центр внимания «нужных» событий и замалчивание «неудобных».

Ранее основным средством манипуляции считались «запрятанные в публицистическом тексте тропы и фигуры риторики»: якобы «эффект любой манипуляции заключен не в фактах, но в особом способе употребления риторических фигур» [Шатин, 2012. С. 96], что и «сбивает с толку» обыкновенного читателя. Это был крайне упрощенный взгляд на восприятие общественно значимого текста, события или информации.

Источники:

- Ball, J.** Post-Truth: How Bullshit Conquered the World. Biteback Publishing, 2017. 320 p.
- d’Ancona, M.** Post Truth: The New War on Truth and How to Fight Back. London: Ebury Press, 2017. 176 p.
- Davis, Evan. Post-Truth: Why We Have Reached Peak Bullshit and What We Can Do about It. 2017. 347 p.
- McIntyre, L.** The Scientific Attitude. <https://mitpress.mit.edu/9780262538930/the-scientific-attitude/>
- McIntyre, L.** Post-truth. MIT Press. Feb 2018 “Essential Knowledge” series <https://mitpress.mit.edu/9780262535045/post-truth/>

²⁸ Как сказал один из его государственных представителей, они (т. е. Запад) нас теперь приглашают в бордель слушать лекции о морали.

²⁹ Или прием.

Список литературы

- Бечич Д., Воларевич М., Иванов В. Г.** (пер.). Новые проблемы – старые решения? Критический взгляд на доклад экспертной группы высокого уровня Европейской комиссии о фейковых новостях и онлайн-дезинформации // Вестник РУДН. Серия: Политология. 2018 Vol. 20 No. 3. С. 447–460. http://journals.rudn.ru/political_science
- Гарбузняк А. Ю.** Феномен постправды: девальвация факта в медийном дискурсе // Знание. Понимание. Умение. 2019, №1. С. 184–190.
- Гиренок Ф. И.** Параллельный мир: асоциальность социальных сетей / В сб. Ценности и коммуникация в современном обществе; под ред. С. В. Клягина, О. Д. Шипуновой. Санкт-Петербург, 2012. С. 38–42.
- Ершов Ю. М.** Феномен фейка в контексте коммуникационных практик // Вестник Томского гос. ун-та. Филология. 2018. № 52. С. 245–256.
- Иванищева О. Н.** Фейковые новости как новая форма пропаганды // Человек. Культура. Образование. 2018, № 4. С. 104–110.
- Котова Н. С., Дукян С. С.** Феномен «фейка» в политическом дискурсе эпохи «постправды» // Государственное и муниципальное управление. Ученые записки. 2018. № 2. С. 130–135.
- Стырина Е. В., Мартиросян А. А.** Элементы фикциональности в медиатекстах: столкновение реального и вымышленного // Вестник НГУ. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2021. Т. 19, № 1. С. 92–105. DOI 10.25205/1818-7935-2021-19-1-92-105
- Сухих Д. А., Горшкова В. Е., Фефелов А. Ф.** Комическое как составляющая аргументации в дискурсе научно-популярного метражного фильма // Вестник НГУ. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2020. Т. 18, № 3. С. 59–77. DOI 10.25205/1818-7935-2020-18-3-59-77
- Фефелов А. Ф.** Лексико-семантическое поле post-truth в пространстве от истины до правды // Вестник НГУ. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2023. Т. 21, вып. 1. С. 83–101.
- Фефелов А. Ф.** Геокультурные координаты российской переводческой интерпретанты (Западно-восточный переводоведческий диван) // Вестник НГУ. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2015. Т. 13, вып. 3. С. 55–78.
- Фефелов А. Ф.** Медиафеномен Н. Хомского и его рецепция в русскоязычном информационном пространстве (риторика, семиотика, перевод) // Вестн. НГУ. Серия: История, филология. 2017. Т. 16, № 6: Журналистика. С. 112–122. 1,1 п.л. <https://elibrary.ru/contents.asp?titleid=11922>
- Хлебникова О. В.** Клиповое мышление и гештальт постправды в пространстве нарциссической культуры // Идеи и идеалы. 2022. Т. 14, № 3. Ч. 1. С. 195–214. DOI: 10.17212/2075-0862-2022-14.3.1-195-214
- Шатин Ю. В.** Риторика публицистического дискурса: между правдой и ложью // Вестник НГУ. Серия: История. Филология. 2012. Т. 11, вып. Журналистика. С. 95–98 (in Russian).
- Шатин Ю. В.** Постправда как риторический феномен в современном медиапространстве // Вестник НГУ. Серия: История, филология. 2020. Т. 19, № 6: Журналистика. С. 250–257. DOI 10.25205/1818-7919-2020-19-6- 250-257

References

- Arendt, H.** Judgement and Validity [Online]. In: Stanford Encyclopedia of Philosophy. URL: <https://plato.stanford.edu/entries/arendt/> (accessed on: 03.02.2023).
- Bebič, D. Volarević, M.** New Problems, Old Solutions? A Critical Look on the Report of the High Level Expert Group on Fake News and On-Line Disinformation. *Media Studies*, 2018, vol. 9(17): 106–117. (in Russ.)

- Bouzid, A.** “‘Post-Truth’: The Only Path Forward.” *Social Epistemology Review and Reply Collective*, 2022, vol. 11(10), pp. 14–19.
- Cusset, F.** *French Theory: How Foucault, Derrida, Deleuze, & Co. Transformed the Intellectual Life of the United States*; Jeff Fort (tr.). University of Minnesota Press, 2008, 388 p.
- Ershov, Yu. M.** The Phenomenon of fake in the context of Communication Practices. *Tomsk State University Journal of Philology*. 2018. 52. P. 245–256. (in Russ.)
- Evers, R. D.** Is life in a ‘post-truth’ world sustainable? <https://www.popmatters.com/post-truth-lee-mcintyre-2549370346.html> 20 March 2018
- Fefelov, A. F.** Geocultural Coordinates of the Russian Translation Thought and its Interpretative Background (East-West Translational Divan). *Vestnik NSU. Series: Linguistics and Intercultural Communication*, 2015, vol. 13, no. 3, p. 55–78. (in Russ.)
- Fefelov, A. F.** Chomsky’s media phenomenon and its reception in Russia: rhetoric, semiotics, translation. *Vestnik NSU. Series: History, Philology*, 2017, vol. 16, no. 6 *Journalism*, p. 112–122. (in Russ.)
- Fefelov A. F.** Lexico-semantic field of POST-TRUTH through the Prism of its Russian Correspondences *Istina and Pravda. Vestnik NSU. Series: Linguistics and Intercultural Communication*, 2023, vol. 21, iss. 1.
- Fuller, S.** Post-Truth: Knowledge As a Power Game.
- Garbuznyak, A. Yu.** Posttruth Phenomenon: The Devaluation of Fact in Media Discourse. In: *Znanie. Ponimanie. Umenie*. 2019, no. 1, P. 184–190. (in Russ.)
- Girenok, F. I.** Parallel world: asociality of social networks. In: *Values and Communication in Modern Society*; Ed. S. V. Klyagin, O. D. Shipunova. St. Petersburg, 2012. Pp. 38–42. (in Russ.)
- Harris, R.** Evaluating Internet Research Sources. Version Date: December 12, 2016.
- Hewitt, D.** “A Critical Review of *Post-Truth: Knowledge as a Power Game* by Steve Fuller.” *Social Epistemology Review and Reply Collective*, 2020, vol. 9(8), pp. 47–52.
- Hewitt, K.** *Understanding English Literature*. Perspective Publications, 1997. 279 p.
- Hyövonon, A.-E.** Defining Post-truth: Structures, Agents, and Styles [Online]. URL: <https://www.e-ir.info/2018/10/22/defining-post-truth-structures-agents-and-styles/>
- Ivanishcheva, O. N.** Fake news as a new form of propaganda, 2018, no. 4, pp. 104–110 (in Russ.)
- Khlebnikova, O.** Clip Thinking and Post-Truth Gestalt in the Space of Narcissistic Culture. *Ideas and Ideals*, 2022, vol. 14, iss. 3, pt. 1, pp. 195–214. (in Russ.)
- Kotova, N. S. Dukyan, S. S.** The Phenomenon of “Fake” in the Political Discourse of the “Post-Truth” Era. *State and municipal administration. Scientific proceedings*, 2018, no. 2, pp. 130–135. (in Russ.)
- Martin, B.** “What’s the Fuss about Post-Truth?” *Social Epistemology Review and Reply Collective*, 2019, vol. 8 (10), pp. 155–166.
- McIntyre, L.** The Scientific Attitude [Online]. URL: <https://mitpress.mit.edu/9780262538930/the-scientific-attitude/>
- McIntyre, L.** Post-truth [Online]. MIT Press. Feb 2018 “Essential Knowledge” series <https://mitpress.mit.edu/9780262535045/post-truth/>
- Noah, T.** Defining Bullshit [Online]. URL: <https://slate.com/culture/2005/03/defining-bullshit.html>
- Shatin, Yu. V.** The Rhetoric of Journalistic Discourse: between Truth and Lies // *Vestnik NSU. Series: History, philology*, 2012, vol. 11, no. 6, pp. 95–98. (in Russ.)
- Shatin, Yu. V.** Post-Truth as a rhetorical phenomenon in the modern media space. DOI 10.25205/1818-7919-2020-19-6- 250-257
- Styrina, E. V., Martirosyan, A. A.** Elements of Fictionality in Media Texts: Facts vs Fiction. *Vestnik NSU. Series: Linguistics and Intercultural Communication*, 2021, vol. 19, no. 1, p. 92–105. DOI 10.25205/1818-7935-2021-19-1-92-105 (in Russ.)
- Sukhikh, D. A., Gorshkova, V. E., Fefelov, A. F.** Comical as a Component of Argumentation in a Pop Sci Short-Short Film. *Vestnik NSU. Series: Linguistics and Intercultural Communication*, 2020, vol. 18, no. 3, p. 59–77. DOI 10.25205/1818-7935-2020-18-3-59-77 (in Russ.)

Информация об авторе

Фефелов Анатолий Федорович, кандидат филологических наук
SPIN 6759-3782

Information about the Author

Anatoli F. Fefelov, Candidate of Sciences (Philology), Novosibirsk State University
SPIN code 6759-3782

*Статья поступила в редакцию 08.02.2023;
одобрена после рецензирования 26.04.2023; принята к публикации 28.04.2023*
*The article was submitted 08.02.2023;
approved after reviewing 26.04.2023; accepted for publication 28.04.2023*